

— 30 сентября мы большой кампанией вылетели в Иркутск, на 7-й Всесоюзный семинар по математическому моделированию ионосферных процессов. От обсерватории в её составе были Кореньков, Клименко, Суроткин, Карпов, Коля Нацвалян и я, от кафедры теорфизики - Лида Нацвалян и Серёжа Лебле (он присоединился к нам в Москве). С нами летели и Латышев с Никитиным. Из их бойцов был только Григорьев, да в Иркутске к ним присоединился Клевцур, который числился в ИЗМИРАНе в аспирантуре у Фаткуллина.

— Из-за того, что сразу за этим семинаром в Ленинграде проходила конференция по распространению радиоволн, народу собралось меньше, чем обычно, - 75 иногородних, тогда как рассчитывали примерно на 100. Не было никого из пат(и мат)риархов - Натальи Павловны, Бориса Николаевича, Гор Семёновича, отсутствовали даже Данилов с Юдович (Данилову такие сборища, судя по всему, стали казаться мелкими на фоне международных симпозиумов, по которым он беспрерывно разъезжал). И как на грех в последний момент заболел Валерий Михайлович, так что, когда я утром 2-го октября явился на открытие семинара, Хазанов сообщил мне, что открывать семинар и председательствовать на первом заседании должен я, как заместитель Полякова.

— С этими церемониальными обязанностями я кое-как справился, споткнувшись на отчестве Парфиановича - директора НИИПФ, приветствовавшего участников от имени ИГУ, который проводил семинар. Забавно, что чуть ли не основным достижением ИГУ в ионосферных исследованиях Парфианович назвал защиту докторской Хазановым. Сибизмировцы семинар практически игнорировали, как и Кринберг, редко кто из них появлялся в зале заседаний (заседали в ЦНТИ). Климов, когда я спросил его о причине этого, сослался на отчётно-перевыборную профсоюзную конференцию.

— Самыми маститыми на семинаре (по стажу ношения титулов) были Фаткуллин и профессор Осипов. От своей маститости, наверное, мэтры и устроили концерт. Они давно уже не ладили между собой по неизвестной никому причине. По пьянке, видать, чего-то не поделили, ибо явных идеологических разногласий между ними не просматривалось. На этот раз началось всё с того, что Осипов подошёл ко мне и Коену и сделал нам как представителям программного комитета вполне официальным тоном заявление, требуя оградить его от пьяных выходок Фаткуллина, в противном случае он - Осипов и организации, с которыми он взаимодействует (Осипов перечислил - какие), откажутся от какого-либо дальнейшего сотрудничества с подсекцией моделирования.

— А что случилось, Николай Константинович? - спросили мы его.

— Да вот, прохожу я вчера вечером по коридору гостиницы, будучи абсолютно трезв - подчёркиваю это, и вижу - пьяный Фаткуллин пристаёт к Саше Попову, из ИЗМИРАНа. Я остановился, спрашиваю, в чём дело? Так этот псих с кулаками на меня набросился! Попов - свидетель! А потом ещё к дежурной по этажу приставал, требовал, чтобы его в туалет отвели пописать. Доктор наук! Надо Мигулину официальное представление написать!

— Мы, как сумели, постарались успокоить Осипова и пообещали ему обсудить поведение Фаткуллина на программном комитете. В свою очередь Фаткуллин подходил и ко мне, и к Коену, и к Хазанову, и жужжал всем на уши, что Осипова ни в коем случае нельзя выпускать с докладом, как он того просил. Осипов числился соавтором двух сообщений, принятых программным комитетом, - совместно с Герасимовой и Березиным, которые делали диссертации под его научным руководством, и первоначально предполагалось, что доклады будут делать они. Но Осипов попросил предоставить время, отведённое на оба эти сообщения, ему: он, мол, сам их представит, и мы решили просьбу Осипова удовлетворить, поскольку вопрос, кто делает доклад, решают сами соавторы, Осипов - научный руководитель, если хочет выступать сам - его дело, а объединение докладов в один экономит нам время.

— От фаткуллинских жужжаний мы, естественно, отмахнулись, и Осипов с докладом

выступил. Сделал он его, надо сказать, плохо - сумбурно, хотя и с большими претензиями, много общих фраз, не уложился в отведённое время, безуспешно пытался показать безобразно подготовленный иллюстративный материал. В общем - халтура. Осипов, хоть и был трезв эти два дня, но общее его состояние спивающегося, если уже не спившегося человека, заметно отражалось и в его научной продукции, и в выступлениях. Кстати, один из его соавторов и собутыльников - Березин тоже шёл по такому же пути, составляя обычно компанию Бобарыкину, когда тот приезжал в ИЗМИРАН.

— Этот Березин числился в лаборатории у Фаткуллина, а научным руководителем предполагаемой его диссертации был Осипов. Фаткуллин почему-то очень хотел, чтобы выступал именно Березин, а не Осипов. Мы и доклад-то их (Березина с Осиповым) приняли на заседании программного комитета по ходатайству Фаткуллина, который выпросил для Березина время на оригинальное сообщение, предоставлявшееся не всем авторам, а лишь для наиболее интересных сообщений, остальные запикивали в репортёрские доклады кураторов.

— Тогда, на заседании программного комитета я не стал возражать против просьбы Марса, но потом выяснил, что Березин подсунил нам в качестве тезисов доклада перепечатанную на машинке их старую работу (трёхлетней давности), опубликованную в виде краткого сообщения в "Геомагнетизме и аэрономии" в соавторстве с Осиповым, Беньковой и Букиным. За одно это я не допустил бы выступления Березина, ну а Осипова послушать вроде имело смысл: всё-таки доктор, темами руководит...

— Едва Осипов закончил свой доклад, как со своего места где-то на верхотуре вскочил Марс и закричал на весь зал:

— Кто его выпустил на сцену?

— Председательствовавший Хазанов растерянно выпучил на него глаза. Я сидел, как обычно, в самом низу на первом ряду и попытался разрядить атмосферу:

— Вопросы к программному комитету потом, сейчас вопросы по существу доклада.

— Марс сел, но через пару минут вскочил снова.

— Почему нас заставляют слушать эту чушь, этот маразм, можно ещё иначе назвать, но здесь женщины и, может быть, и дети (потом кто-то высказал гипотезу, что, наверное, Марс имел в виду возможное присутствие беременных женщин)?! Как он сюда попал? Да имеются ли акты экспертизы на этот доклад?

— Перепуганный Хазанов, заикаясь, забормотал:

— Выступление согласовано с заместителем председателя программного комитета Александром Андреевичем Намгаладзе, - и кивнул в мою сторону.

— В это время Осипов, ещё не ушедший со сцены, аж весь кровью налился и в свою очередь закричал, что за оскорбления и схлопотать можно по... (морде, - видимо, имел он в виду, но удержался и оборвал фразу). Фаткуллин же объявил, что он идёт в оргкомитет проверять наличие актов экспертизы и удалился из зала. Я спросил у Герасимовой, сидевшей поблизости:

— У Вас акты есть на доклад?

— Они у меня в гостинице.

— А почему не сдали, как положено? Давайте бегом за ними, а то Марс сейчас хай поднимет, хлопот потом не оберёшься.

— Марс, однако, ограничился тем, что в знак протеста слинял с заседания на весь день. Мне же пришлось в конце утреннего заседания разъяснять аудитории, почему выступал Осипов, что это была замена двух запланированных ранее докладов с его участием. Не догадались объявить заранее об этом, - так кто знал, что Марс шум поднимет?

— Несмотря на то, что доклад Осипова, действительно, был плох, выходка Марса возмутила многих. Андрей Михайлов требовал, чтобы я как заместитель председателя программного комитета написал докладную Мигулину.

— Андрюша, я бы рад, да ведь Марс сам член программного комитета, и мы обязаны его сначала на комитете как-то предупредить...

___ - Нечего с ним цацкаться, - настаивал Андрей, - что: это в первый раз с ним такое, что ли?

___ - Без предупреждения я писать никуда не буду, иначе это будет выглядеть как сведение старых счётов.

___ - Ну и зря.

___ А вечером того же дня мне пришлось с Марсом водку пить. Колесник заманил. Пригласил на "мальчишник", как он выразился, отметить его успешную защиту. Я подозревал, что там может Марс оказаться, но и отказать Колеснику было неудобно. Тем более, что перед защитой он прислал мне автореферат с просьбой написать отзыв, а я эту просьбу его не выполнил. И вот почему.

___ Отзыв я ему уже писал, когда он приезжал к нам в Калининград, и замечания мои мы с ним вместе утрясали, а тут Колесник попросил ещё смягчить острые места. Это мне уже не понравилось, и я не стал ничего другого писать. Колесник вроде бы даже не обиделся и вот даже пригласил отметить событие.

___ Так мало того, что там Марс оказался, ещё и Никитин был, и держался, как обычно, сверххвально. Из томичей были Белов и Серёга Королёв, без устали травивший один похабный анекдот за другим. Скрашивали мне компанию только Гинзбург с Задорожным. Но всё равно, до конца я там не выдержал и смылся, чем уберёг себя ещё и от перебора спиртного, правда, накурился до чёртиков.

___ На следующий день состоялось заседание программного комитета по подготовке проекта решения семинара. Я на нём председательствовал (Поляков всё болел и только в последний день появился) и, как и обещал Осипову и Михайлову, поставил вопрос о неэтичном поведении члена программного комитета Марса Нургалиевича Фаткуллина со ссылкой на жалобу Осипова (Тут Латышев с живым интересом спросил: - Письменная? - и то ли разочарованно, то ли успокоенно вздохнул, когда узнал, что вроде бы пока только устная) и мнение общественности.

___ Как ни странно, Марс вёл себя на этом заседании как мышка, не ерепенился, не бросался ни на кого, хотя и пытался оправдываться. Но Колесник тут же его призвал:

___ - Марс, ты не прав, нечего тут и говорить. Покайся, скажи, что больше не будешь.

___ Марс что-то такое пробормотал, что, мол, он погорячился, выступил слишком резко. Я заметил ему, что он ещё и программный комитет в дурацкое положение ставит, будучи сам его членом. И кончилось это заседание тем, что я вынес Марсу предупреждение от имени программного комитета и в присутствии всех его членов о недопустимости таких выходов по отношению к коллегам.

___ Кто бы мог подумать, что я ему буду официальные нотации читать?

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)